

равнодушно и холодно, добиваясь только «фактов», «мелочей», не доверяя Мите, усматривая в его речах одни лишь уловки заматающего следы убийцы. Это злит и парализует энергию Мити, иронизирующего над их казенным поведением, оскорбляющего «охотников», проклинающего «истязателей»: «Ему претило пред этими холодными, „впивающимися в него, как клопы“, людьми», «Уж и так об вас замарался», «Господа, вы огадили мою душу!», «И вы хотите, чтоб я таким насмешникам, как вы, ничего не видящим и ничему не верящим, слепым кротам и насмешникам, стал открывать и рассказывать еще новую подлость мою, еще новый позор, хотя бы это и спасло меня от вашего обвинения? Да лучше в каторгу!», «Ведь я, так сказать, душу мою разорвал пополам пред вами, а вы воспользовались и роетесь пальцами по разорванному месту в обеих половинах...» (14, 430, 432, 437, 438, 446).

Дмитрий Карамазов и «охотники» говорят на разных языках и без переводчика. Аналогичная психологическая (и, так сказать, «лингвистическая» ситуация) и в драме Толстого «Живой труп». Герой драмы в разладе с миром и самим собой. Он рвет все связи, выбирая фантасмагорическую долю «живого трупа». Уходит в своего рода богемию, угарное подполье, тщетно пытаясь заглушить чувство стыда, везде и всегда его преследующего, неотвязного. Он так задушевно и поэтично исповедуется князю Абрезкову: «А что я ни делаю, я всегда чувствую, что не то, что надо, и мне стыдно. Я сейчас говорю с вами, и мне стыдно. А уж быть предводителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно... И, только когда выпьешь, перестанет быть стыдно. А музыка — не оперы и Бетховен, а цыгане... Это такая жизнь, энергия вливается в тебя. А тут еще милые черные глаза и улыбка. И чем это увлекательнее, тем после еще стыднее». Он, как и положено толстовскому герою, не желает «служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь».

Насильно возвращенный в «цивилизацию», Федя Протасов на обычные вопросы судебного следователя о звании, возрасте, вероисповедании реагирует после молчания почти в манере ненавидящего «казенщину допроса» и «крючкотворные мелочи» Мити: «Как вам не совестно спрашивать эти глупости? Спрашивайте, что нужно, а не пустяки». И получает холодный выговор-предупреждение: «Я прошу вас быть осторожнее в выражениях и отвечать на мои вопросы». Протасов не желает признавать эти рутинные правила, пренебрегает буквой закона, отрицает унижительный казенный язык, стыдит судейских: «Ах, господин следователь, как вам не стыдно. Ну что вы лезете в чужую жизнь? Рады, что имеете власть, и, чтоб показать ее, мучаете не физически, а нравственно людей, которые в тысячи раз лучше вас».

Свое слово на суде Протасов оценивает как «разумную человеческую речь», которая впервые попадет в протокол. Слово, естественно, обличительное в духе позднего Толстого, где отсутствуют эвфемизмы и прямо говорится об истинной сути государственных институтов и исполнителей государственных законов: «Все успокоены (...). Вдруг является негодяй, шантажист, который требует от меня участия в шантаже. Я прогоняю его. Он идет к вам, к борцу за правосудие, к охранителю нравственности. И вы, получив двадцатого числа по двугривенному за пакость, надеваете мундир и с легким духом куражитесь над ними, над людьми, которых вы мизинца не стоите, которые вас к себе в переднюю не пустят. Но вы добрались и рады...» Здесь Протасова прерывают, но он уже успел сказать главное, без надрыва и истерик, только несколько повысив голос и с твердой уверенностью в своей правоте. Не щадит ни себя («нет того положения, которое было бы хуже моего»), ни служителей Фемиды: «И как бы смешны вы были, если бы не были так гадки».

В драме «Живой труп» отдаленно и приглушенно звучат мотивы романа «Братья Карамазовы»: мытарства Дмитрия Карамазова на предварительном